

Завод имени Тараса Шевченко
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ, ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕОБЩЕЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА для ОКТЯБРЯТ

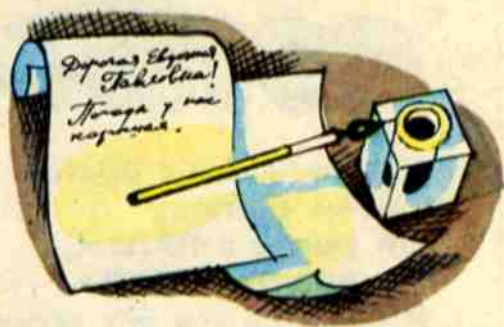
7' 1990

МУРЗИКА

ЭБ61-2110 Н531



В СЕЛЕ ТРОИЦКОМ ПОД ПЕРЕСЛАВЛЕМ. ЗАЛЕССКИМ



Село Троицкое. Поздняя зима. Снега — хоть на лодке по нему плавай, как в старину. Между домами дорожки проложены, словно окопы.

И только от крайнего дома Татьяны Семёновны Частовой никакой дорожки нет, ни к соседям, ни к колодцу, ни к лесу.

Валерка Частов сразу заметил это, когда сошёл с автобуса:

— Не померла ли?

Двенадцать лет Валерке, он в этой деревне родился и вырос. Но живёт он, к сожалению, в Переславле с родителями.

Он спросил у своей тётки — тёти Лиды, как только вошёл в избу:

— А что, Танёнка Частова жива? Или к сыну уехала?

— Никуда она не уехала, — ответила тётка. — Сидит себе сычом в своём доме. Разговаривать ни с кем не хочет. Со всей деревней перессорилась. Даже к Дуняшке Частовой не ходит.

Между прочим, в Троицком что ни дом, то Частовы живут.

— А чего она перессорилась?

— Кто её знает. Она всегда была какая-то чудная. А тебе-то не всё ли равно?

Только Валерке не всё равно. Он всех деревенских людей знает и любит. И не нравится ему, когда кто-то в ссоре, в печали или вовсе заболел.

Он, когда вырастет, наверное, возьмёт этот захудалый колхоз под своё руководство. Станет в нём председа-

лем и выведет колхоз в миллионеры. И твёрдо Валерка решил Татьяну Семёновну со всеми помирить, особенно с её задушевной подругой Евдокией Павловной.

Для начала отправился он на почту, чтобы у почтальонки Анастасии Алексеевны все деревенские новости узнать. У кого корова отелилась, кто машину «Жигули» купил и кому пенсию на десять рублей повысили.

И надо же такому быть, что Татьяна Семёновна — широко известная в сельских кругах пенсионерка — на этой почте собственной персоной сидела, пенсию получить ждала. Ни на кого не смотрела, никуда не оглядывалась. И сердитостью от неё так и веяло во все стороны.

Платком она была перемотана с ног до головы, как пулемётной лентой, но разматываться, видно, не собиралась. А почтальонки Анастасии Алексеевны не было.

— Татьяна Семёновна, — с ходу начал Валерка. — А чего это вы тётю Дуню Частову обидели?

Татьяна Семёновна аж подпрыгнула на своей табуретке:

— Ты что? Кого это я обидела?

— Тётю Дуню. Не разговариваете с ней. Ругаетесь.

— Да я её дурой назвала. Она ведь что заявила! Она сказала, что наши мужики от их колодца ручку взяли.

— И только-то?

— Это тебе только-то! А наши мужи-

ки не воры. Им эта ручка даром не нужна! Я и сказала ей: «Ты наших мужиков хорошо знаешь. Они чужого ничего не возьмут. Нечего на них напраслину возводить!»

— Татьяна Семёновна, давайте я вас помирю.

— Ишь мирильщик нашёлся! Я с ней разговаривать не собираюсь.

Слова из Татьяны Семёновны сыпались жутко сердитые, но видно было, что основная сердитость давно уже прошла. Просто бушевало самолюбие. Была бы она зла по-настоящему, стала бы она перед Валеркой оправдываться, что-то ему объяснять.

— Татьяна Семёновна, а и не надо разговаривать. Давайте мы с вами ей письмо напишем.

— Тебе делать нечего, вот и пиши.

Валерка, не теряя времени, вытащил из-за почтового барьера однокопеечный лист для письма, взял на изготовку государственную ручку на верёвочке и стал сочинять текст:

— «Дорогая Евдокия Павловна!»

Он с вопросом посмотрел на Татьяну Семёновну:

— Правильно?

— Чего? — поразилась старуха. — Какая она тебе Евдокия Павловна, когда она Дуняшка Частова!

— «Дорогая Дуняшка Частова», — принял это к сведению Валерка. — «Я тебя обругала... сдуру». Так правильно?

— Правильно, — согласилась Татьяна Семёновна.

— «Больше не буду», — продолжил Валерка.

— Как это больше не буду! — возразила старуха. — У меня нервы подымутся, я ещё и не такое скажу!

— Значит, — продолжил Валерка. — «Я тебя обругала... сдуру и ещё буду». Так правильно?

— Так правильно, — согласилась довольная Татьяна Семёновна.

— А дальше про что писать?

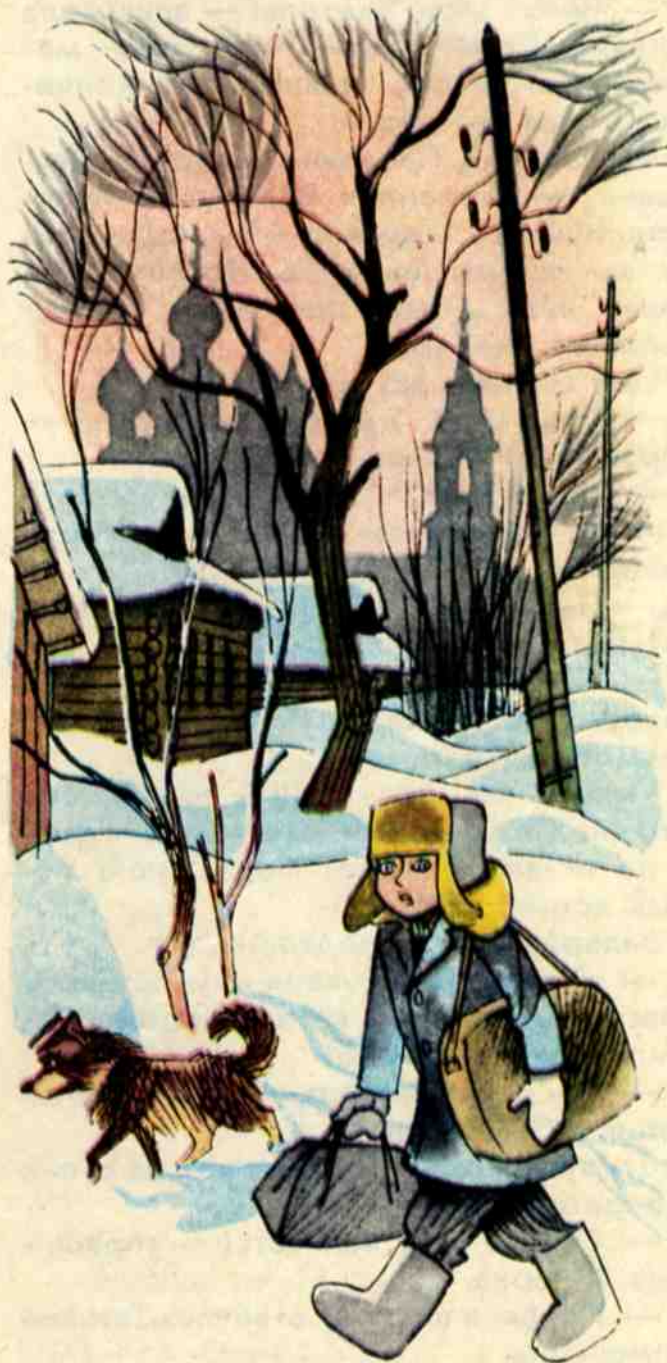
— Не знаю. Ты грамотный, ты и пиши.

— Когда не знают, про что писать, про погоду пишут, — сказал мальчик.

— Вот про погоду и пиши.

Только он собрался писать про погоду, как дверь почты открылась и вошла сама Евдокия Павловна Частова. Тоже вся в платках, как в пулемётных лентах, но в отличие от Татьяны Семёновны маленькая и сухая.

Едва её глаза привыкли к темноте после белого снега, она заметила Татьяну Семёновну, повернулась и бросилась бежать.



Валерка догнал бабушку у двери, обнял и вернул в почту:

— Садитесь, Евдокия Павловна. Мы вам письмо пишем.

Он усадил её на другую табуретку, подальше от Татьяны Семёновны, и продолжил свою работу.

— «Дорогая Евдокия Павловна»,— говорил и писал он.— «Погода у нас хорошая. Хоть на лыжи вставай».

— Какие ещё лыжи! — поразились Евдокия Павловна.— Когда метель третью неделю метёт.

— Чего твоя метель! — зашумела Татьяна Семёновна.— Чего твоя метель! Когда она давно уже кончилась! Глаза-то разуй!

— Евдокия Павловна, Евдокия Павловна! — бросился Валерка к новопришедшей старушке.— Вы подождите, вы не вмешивайтесь. Когда будем ответ писать, мы про вашу погоду напишем. Ладно?

Она согласилась и притихла.

— Так, чего дальше-то писать? — спрашивает Валерка.

— Чего? Чего? Сам знаешь чего.

— Я про курей напишу,— говорит Валерка.

— Пиши про курей,— соглашается Татьяна Семёновна.

— «Куры мои здоровы»,— пишет и говорит Валерка.— «Вовсю несутся, несмотря что зима».

— Как так несутся?! — поражается Татьяна Семёновна.— Да у меня курей и не осталось вовсе! Последнюю летось ястреб утащил.

Валерка с ходу подхватывает:

— «Хоть курей у меня и не осталось вовсе. Последнюю летось ястреб утащил». Так правильно?

— Так правильно,— соглашается Татьяна Семёновна.

Старухи молчат и вздыхают на своих табуретках.

— О чём ещё написать? — спрашивает Валерка.

— Почём я знаю,— отвечает Татьяна Семёновна.

— Может, о здоровье напишем?

— Пиши о здоровье.

Валерка диктует сам себе и записывает:

— «Здоровье у меня здоровое. Ничего не болит. И температура нормальная — 36,6».

— Да, не болит! — возражает Татьяна Семёновна.— Поясницу так и ломит. Хоть криком кричи! А горчичники некому поставить! И давление у меня повышенное. Всё время что-то давит.

Валерка подхватывает:

— «Ничего не болит... Только давление повышенное. Всё время давит. А горчичники некому поставить».

— У Анастасии Алексеевны тоже поясница,— скромно вставляет Евдокия Павловна про почтальонку, чтобы тоже чего-то делать.

— Да у неё поясница потому, что она от работы бегаёт. Всё у Ольгушки Павловской сидит, в карты играет,— взрывается Татьяна Семёновна.— Нашла кого жалеть! На почту приходит раз в неделю, а зарплату целиком получает!

На этот взрыв Евдокия Павловна немедленно собирается сбежать, но Валерка ловит её за платок и силой усаживает обратно.

— Татьяна Семёновна,— говорит Валерка,— ведь вы месяц не виделись. Были у вас какие-нибудь радостные события?

— Каки таки события?

— Может, посылка пришла с книгами или гости приезжали?

— Никакие гости не приезжали. Вот только крыса у меня завелась.

— Чего же тут радостного? — спрашивает Валерка.— Когда крыса завелась? Больше нечего сообщить соседке нашей дорогой Евдокии Павловне?

— Всё! — отвечает Татьяна Семёновна.— Хватит с неё!

— А что,— говорит юный дипломат.— Конечно, хватит. И так вон сколько новостей ей сказали.

Он перегнулся через барьер и взял ещё один листок для писем. Поч-



тальянки Анастасии Алексеевны всё ещё не было. Видно, и в самом деле она забегалась по личным делам.

— Евдокия Павловна, будем ответ писать. Теперь вы диктуйте.

— А чего диктовать-то? — спрашивает скромная Евдокия Павловна.

— Какая погода у вас.

— Сам видишь, какая погода. Никакой погоды, метель одна.

— Я так и напишу, — говорит Валерка. — «Дорогая Татьяна Семёновна, никакой погоды у нас нет, метель одна». Правильно?

— Правильно, — отвечает Евдокия Павловна.

— Ой, — сказал Валерка, — бланк-то вам поздравительный достался. Значит, адресата поздравить надо.

— С чем? — спрашивает Евдокия Павловна.

— С чем хотите. Хоть с хорошей погодой.

— Вот и поздравляй с погодой.

— «Никакой погоды у нас нет», — повторяет Валерка. — «Только метель одна. С чем вас и поздравляю». Правильно?

— Ты пишешь, тебе и видней, — дипломатично говорит Евдокия Павловна. А Татьяна Семёновна всё внимательно слушает, словно не про её погоду говорят.

— Опишите, что вы сейчас читаете. Художественную литературу.

— Стара я читать-то. Отчиталась уже. Я радио слушаю.

— Так и запишем, — говорит Валерка. — «Дорогая и задушевная моя подруга Татьяна Семёновна. Ты ко мне редко заходишь...» Редко она заходит?

— Совсем не заходит.

— «...Ты ко мне редко заходишь, так редко, что совсем не бываешь, и я всё время слушаю радио и смотрю телевизор». Какой у вас телевизор?

— Никакого нет, — отвечает Евдокия Павловна.

— «Хотя у меня его и вовсе нет!» — подхватывает Валерка. — «Так что при-

ходи ко мне со своим телевизором». Так правильно?

— А где ж он? — спрашивает Татьяна Семёновна. — Твой телевизор? Тебе же зять Антон привозил из города.

— И Антон привозил, и Галка, сноха, привозила, да не кажут они здесь. Больно слабые. К ним антенна нужна большая какая-то.

Валерка видит, что контакт между старухами налаживается, и начинает дело вести к финалу.

— «Дорогая Татьяна Семёновна, я очень по тебе скучаю. Помнишь, как в тяжёлые военные годы мы делились последним сухарём? Бери пирог с изюмом и приходи в гости. В шесть часов...» Верно?

— А чего же? — говорит Евдокия Павловна. — Только пирог ни к чему. Пусть просто так приходит.

— «Мне пирог ни к чему... — пишет дальше юный директор по связям. — Я его Валерке отдам. Больно парень хороший». Так правильно?

— А что? — соглашается Евдокия Павловна. — Всё по-хорошему.

— Значит, бабушки, будем заканчивать.

Валерка снова потянулся через барьер, взял у прогульщицы-почтальонки два конверта, надписал адреса и сказал:

— Всё. Раз почтальонки нет, пойду почту разносить. А вы тут не засиживайтесь. Вас дома письма ждут.

Он положил на стол Анастасии Алексеевны двадцать копеек за конверты без марок и вышел на улицу из почты. В ясный-ясный, белый-белый зимний день. Больше в деревне ребят не было.

Рис. В. ЧИЖИКОВА